

РАСЧЛЕНЕННОЕ ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ПРАГМА-КОГНИТИВНЫЙ МАРКЕР ДИСКУРСА

А. В. Быстрых

Воронежский государственный университет

В настоящей статье показывается непрозрачность коммуникативной нагруженности английского расчлененного вопросительного предложения (РВП), рассмотренного на примере изолированной конструкции. В связи с чем предлагается новый подход к выявлению коммуникативного содержания РВП, выявляющий над-пропозициональные смыслы, реализуемые данной конструкцией в дискурсе и отражающие качественные изменения, происходящие в таком компоненте структуры дискурса, как когнитивный фонд участников общения.

Английское расчлененное вопросительное предложение (РВП) представляет собой особую структуру в системе синтаксиса английского языка. Оно состоит из двух частей — повествовательной, содержащей утверждение или отрицание, и вопросительной, при этом компоненты вопросительной части морфологически зависят от формы подлежащего и сказуемого утвердительной части, например: *It's a nice day, isn't it?; He doesn't look very well today, does he?*

Существование специфических для данной структуры норм построения (детально описываемых всеми нормативными грамматиками английского языка) служит прямым подтверждением того факта, что данная конструкция является частью языковой системы, что естественно побуждает многих исследователей к поиску категориального языкового значения, актуализируемого данной конструкцией в контекстах её употребления. Подобная логика ясна и, безусловно, имеет разумное основание. Поскольку есть конструкция с регламентированными языковой системой правилами построения, то должно существовать и некое абстрактное содержание, реализуемое данной конструкцией во всех случаях её употребления в речи. Приписываемый данной структуре статус языкового знака, функционирующего на коммуникативно-синтаксическом уровне, не вызывает сомнения, однако весьма проблематичными представляются утверждения исследователей об определенном имманентно присутствующем в логико-семантическом содержании РВП смысле, неизменно реализующемся в каждом конкретном случае употребления данной конструкции.

Например, представители генеративной грамматики пытались вычленить некий базовый смысл

РВП путем сведения данной конструкции, взятой во всей своей структурной целостности, либо к неместоименному вопросительному предложению, либо к бессюзному сложному, в соответствии с доминировавшим в то время структурным взглядом на язык, требовавшим отвлечения от человеческого фактора и акцентирования внимания на внутренней закономерности построения языковой системы [1], [2], [3]. Рассмотрение РВП как структурного варианта общевопросительного предложения, сложившееся в результате такого подхода, не позволяет объяснить многие случаи употребления данной конструкции в реальной речи, поскольку на самом деле смыслы, выражаемые структурой РВП, чаще всего оказываются почти не связанными с запросом неизвестной информации. Однако и более поздние исследования, выходящие за рамки собственно системы и структуры языка и обращющиеся к коммуникативным, деятельностным закономерностям функционирования языка и речемыслительной деятельности в целом, не преодолевают до конца существующего догматического взгляда на коммуникативное содержание расчлененной вопросительной конструкции.

Так, Р. Хадсон [4] отталкивается сразу как от внешних, так и от внутренних характеристик конструкции, взятой в изолированном от контекста виде. Исследователь полагает, что центральными категориями, способными дать ключ к разгадке коммуникативного содержания РВП, являются категории иллокутивной силы (*illocutionary force*) и категориальной формы предложения, рассмотренного во всей совокупности своих синтаксических признаков (*mood*). Поскольку на уровне коммуникативного синтаксиса РВП представляет собой сочленение категорий повествовательного и вопросительного предложения, то коммуникативное содержание высказывания, оформленного с

помощью РВП, сводится к некому конгломерату условий искренности прототипического акта утверждения, конвенционально оформляющегося с помощью повествовательно предложения, и условий искренности речевого акта вопроса, стереотипно соотносимого с формой вопросительного предложения. Подобное сращение коммуникативных смыслов двух гетерогенных в прагматическом плане синтаксических форм дает на выходе так называемый *ориентированный (conducive)* вопрос, отличающийся от прототипического искреннего общего вопроса проецируемыми (прогнозируемыми) ожиданиями говорящего относительно ответа собеседника. Хотя в подобном взгляде намечается явный прорыв в сторону изучения речевого действия с мотивирующими его интенциональным и интерперсональным актами, природа подобного сращения остается неясной и, как мы постараемся показать в дальнейшем, не имеет значительной объяснительной силы при рассмотрении конкретных речеупотреблений РВП.

С. Левинсон [5, 365] и А.-Б. Стенстрём [6, 17—18] определяют РВП как особый метакоммуникативный регулятор, позволяющий вовлекать собеседника в дискурс за счет наличия в структуре РВП присоединительной части, которая апеллирует к собеседнику, побуждая его высказать подтверждение или опровержение суждения, выраженного в пропозициональном содержании главной части. По мнению этих исследователей, помимо своей коммуникативной функции, данная аппелляция обладает высокой интеракциональной значимостью, поскольку обеспечивает сбалансированное участие собеседников в дискурсе. Несмотря на то, что такая коммуникативно-ориентированная трактовка семантики РВП кажется вполне убедительной, имеющийся у нас эмпирический материал (см. ниже) свидетельствует, что в значительном числе случаев употребления РВП вопросительная концовка не наделяется аппеллятивной силой и не используется в качестве средства передачи коммуникативного хода. Принимая это во внимание, вряд ли можно говорить о данном метакоммуникативном значении как о рекуррентно проявляющемся в дискурсе, что, в свою очередь, ставит под вопрос рассмотрение РВП только как интеракционального маркера.

Р. Квирк и другие авторы [7, 810—11] считают, что смысловое содержание расчлененного вопросительного предложения является отражением его синтаксической структуры. Эта трактовка остается в рамках узкого дескриптивного взгляда на данную

конструкцию, не учитывающего возможности переосмысления содержания языковой единицы под влиянием факторов как внешнего, так и собственно языкового контекста. Сочленение двух семантически разнородных категорий утверждения и вопроса идет у Р. Квирка и его соавторов по линии строго семантического взаимодействия присоединяемой и главной части. Результатом такого взаимодействия является выражение некатегоричного мнения (предположения) (*assumption*) по поводу истинностной ценности пропозиционального содержания, выраженного в главной части РВП, в сочетании с различными видами ожиданий (*expectation*) относительно реакции собеседника в зависимости от интонационного рисунка присоединенной части (нейтральное ожидание (ожидание верификации выраженной пропозиции) в случае восходящего интонационного контура присоединенной части и ожидание подтверждения истинности пропозиции в случае нисходящего произнесения присоединенной части).

Приведенные трактовки коммуникативного содержания РВП претендуют на выявление категориального языкового значения данной конструкции, что означает, что в каждом случае употребления РВП в дискурсе актуализуемые данной конструкцией смыслы должны либо сводиться к обозначенным выше языковым категориальным значениям, либо включать их в качестве ядерных составляющих выражаемого коммуникативного содержания при наличии дополнительных наслоений, например, эмотивных и оценочных составляющих субъективной модальности (как напр., у С. Несслина [8]), либо надстраиваться над базовым значением в виде импликатур дискурса по цепочке инференционных выводов [9].

В самом деле, коммуникативный смысл, реализуемый расчлененным вопросительным предложением в следующем примере (1), вполне поддается анализу с позиции приведенных взглядов.

(1) / Дворецкий, удостоверяется в своем предположении, что хозяин дома еще не вернулся /
— Mr. de Winter is not back yet, is he, Madam?
— No. Why? Does someone want him?
— Yes, Madam. It's Captain Searle, the harbour-master of Kerrith, on the phone.

(Maurier).

Говорящий в данном случае реализует *предположительный речевой акт с аппелляцией к оценочному мнению адресата* — коммуникативный смысл, исчисляемый на уровне анализа пропозициональной семантики конструкции. Приемле-

мость подобной трактовки и стоящей за ней методологии описания содержания РВП не вызывает сомнения, однако, в отличие от дескриптивного взгляда на данную конструкцию, более широкий дискурсивный подход позволяет анализировать не буквальное значение, а коммуникативное, описываемое в терминах речевых действий.

Дискурсивный континуум представляет собой последовательность осуществляемых в процессе коммуникации речевых действий, каждое из которых мотивируется интенцией говорящего. Как нам представляется, в примере (1) более целесообразно говорить о реализации не двух различных действий (за каждым из которых стоит своя интенция), а об одном речевом действии со сложной (комплексной) интенцией говорящего («Я предполагаю, желая знать, что ты думаешь»). Дело в том, что членение значения РВП на компоненты (как напр. у Р. Квирка и соавторов) обусловлено логико-семантическим взглядом на конструкцию, в соответствии с которым синтаксическая неоднородность языковой формы представляет собой манифестацию дискретности её логической структуры. Очевидно, что подобный подход обусловлен узкими аналитическими целями логических исследований. В реальной речи мы имеем дело с нерасчлененными смыслами, выкристаллизовавшимися в единое целое и не всегда легко поддающимся аналитическому разложению.

Возвращаясь к примеру (1), отметим еще раз, что приведенные точки зрения на содержание РВП вполне приемлемы для описания смыслов, подобных тому, который актуализируется в данном контексте, а именно смыслов, непосредственно выводимых из пропозициональной семантики конструкции. Однако такая логико-семантическая перспектива не может быть признана исчерпывающей в связи с тем, что в реальной коммуникации встречается огромное количество случаев употребления РВП, коммуникативное значение которых невозможно интерпретировать указанным образом.

Камнем преткновения становится сам принцип вычленения пропозиционального значения расчлененного вопросительного предложения, общий для всех указанных направлений, а именно сложение (сращение) целевых назначений (в терминах традиционного синтаксиса), эпистемических установок (в терминах логической семантики), либо иллюкативных сил (в терминах лингвопрагматики) составляющих компонентов расчлененной вопросительной конструкции.

Как было отмечено выше, формирование коммуникативного содержания РВП в речи часто идет не по аддитивному принципу, а по принципу образования некоего синкретичного содержания, не поддающегося формальному анализу по линии конструктивной неоднородности. Для выявления и адекватного описания данного коммуникативного содержания необходимо привлечение методов дискурсивного анализа. На основе всего лишь двух случаев употребления РВП мы постараемся продемонстрировать преимущество такого подхода, позволяющего, как нам представляется, преодолеть ограниченность логико-семантической трактовки коммуникативного содержания данной конструкции, не позволяющей адекватно определить коммуникативную нагруженность всех смыслов, реализуемых расчлененным вопросительным предложением в дискурсе.

Заметим, что предлагаемые ниже употребления РВП не являются окказиональными, либо выбивающимися из общей тенденции их использования в речи. В действительности они обнаруживают высокую частотность, что позволяет говорить о достаточно высокой степени речевой конвенциализации подобного оформления смыслов, что и обусловило, в конечном счете, наше внимание к ним.

Пример (2) является яркой демонстрацией отклонения конвенционального значения РВП от пропозиционального значения, вычленяемого из семантико-синтаксических свойств конструкции.

(2) / Муж убеждает жену сходить на осмотр к доктору /

— I don't want to see a doctor. It's a waste of money.

— Come on. It's free.

— There's nothing wrong with me.

— It won't hurt to have a check-up, will it?

(no response follows)

Doctors.

В приведенном случае интерпретировать смысл РВП как выражение предположительно-апеллятивного значения («я полагаю, что это так — *подтверди это*») в значительной степени затруднительно, так как параметры контекста указывают на то, что коммуникативная интенция говорящего не имеет ничего общего с таким коммуникативным смыслом. В самом деле, для реализации речевого акта предположения необходимо наличие в коммуникативном контексте семантической презумпции предположения (интеллектуального отношения говорящего к пропозициональному содержанию), заключающейся в отсутствии у говорящего досто-

верного (верифицированного) знания об объектах, событиях и отношениях действительности. Другими словами, при выражении предположения говорящий не уверен в истинностной оценке пропозиции, заключенной в вербализованном суждении. Однако в контексте (2) говорящий в споре с помощью РВП выражает свое мнение, основанное на общеизвестной истине, не требующей верификации. Данное высказывание выполняет функцию убеждения — говорящий пытается воздействовать на адресата таким образом, чтобы он принял его аргумент и последовал его изначальному совету. Структура РВП в данном случае используется для смягчения категоричности выражаемого мнения. Отсутствие ответной реакции на это высказывание является подтверждением того, что у него нет метакоммуникативной нагруженности апеллятивного характера, и оно не имеет целью включение собеседника в дискурс через маркированную (присоединенной вопросительной частью) передачу коммуникативного хода.

Даже столь беглый взгляд на функционирование РВП в примере (2) указывает на нерешенность проблемы исчисления коммуникативных смыслов, реализуемых РВП в дискурсе, и остро ставит вопрос о необходимости применения других методов исследования, не исходящих однозначно из пропозициональной семантики данной лингвоспецифичной синтаксической единицы и не замыкающихся на них.

В настоящей статье нам бы хотелось наметить возможные пути выявления реальных коммуникативных смыслов, актуализуемых РВП в речевом общении, а также предложить другой, по нашему мнению, достаточно перспективный, подход к идентификации некоторых смыслов, конвенционально закрепленных за РВП в речи.

Современная лингвистическая парадигма совершила значительный поворот в сторону исследования реализуемых в коммуникации значений под воздействием когнитивных и прагматически релевантных факторов. Высказывание обретает в речи смысл не только под воздействием исключительно своих внутрисистемных характеристик, но и под влиянием факторов внешнего контекста со всем разнообразием релевантных параметров. Изучение данных параметров, а также их влияния на смыслы, транслируемые в коммуникации, ставится в задачу дискурсивного анализа. Взгляд на дискурс как на сложно организованный многоаспектный коммуникативный процесс открывает огромные перспективы исследования явлений, не

попадавших ранее в поле зрения лингвистов, либо умышленно исключавшихся из него под предлогом невозможности применения чисто лингвистических методов исследования.

Термины «дискурс» и «дискурсивный анализ» настолько популярны в настоящее время, что существует огромное множество трактовок данных понятий. Достаточно емкой и удобной для целей нашего исследования является, по нашему мнению, трактовка Л. В. Цуриковой, которая понимает под дискурсивным анализом «процессуально-деятельностное описание языковой коммуникации, в фокусе которой находится активный субъект общения и связанные с ним коммуникативно-прагматические, когнитивные, семантические и другие параметры, актуализуемые в процессе его речевой деятельности» [10, 11]. При таком подходе акцентируется внимание (1) на использовании языка в дискурсивном контексте для осуществления речевых действий, (2) на языке, рассмотренном скорее в своем функциональном, нежели структурном потенциале, (3) на носителе языка как активном субъекте, подходящем к общению с собственными когнитивными установками и интенциями, влияющими на результат коммуникации, (4) на изучении языка на уровне единиц, превосходящих по размеру предложение. Именно такая перспектива помогает более детально подойти к каждому случаю употребления РВП в дискурсе.

Прежде, чем перейти непосредственно к анализу значений, реализуемых некоторыми типами РВП в речевом общении, целесообразно кратко остановиться на анализе структуры дискурса, предложенном Д. Шифрин, а также на её определении дискурсивных маркеров — единиц, ранее не поддававшихся объяснению.

По мнению Д. Шифрин [11, 24—29] дискурс в аналитических целях может быть представлен как система, состоящая из пяти компонентов.

Внеязыковые (прагматические) компоненты:

(1) **структура мены коммуникативных ролей (exchange structure)**, представляющая собой последовательность смены ролей говорящего и слушающего, материализующаяся на уровне языка в альтернацию структурных единиц коммуникации, известных в различных теориях как коммуникативный ход, шаг, член диалогического единства и т. д;

(2) **деятельностная структура (action structure)**, представляющая собой последовательность перлокутивных актов — результатов речевого взаимодействия, которые говорящий интенционально достигает в каждом случае совершения речевого действия.

Семантический компонент:

(3) **мыслительная структура (ideational structure)**, заключающаяся в особом способе организации набора пропозиций, из которых состоит текст. Данная организация может идти по трем направлениям: по линии способов выражения семантической связности (когезия), по линии тематического развертывания текста и по линии функционально-семантического развертывания;

Коммуникативно-прагматический компонент:

(4) **ролевая рамка (participation framework)**, включающая распределение (а) актуальных социальных и коммуникативных ролей между участниками общения, а также (б) **ментальные установки**, с которыми участники общения подходят к транслируемым пропозициям (напр., оценка), реализуемым актам (прямые акты vs. косвенные), осуществляемым коммуникативным шагом.

Когнитивный компонент:

(5) **когнитивный статус участников общения (information state) с двумя важнейшими составляющими** — когнитивными фондами (знаниями) говорящего и слушающего, а также общим когнитивным фондом говорящего и слушающего (метазнанием). Оба фонда могут в процессе речевого общения получать различную степень «выдвижения», а также менять свой информационный объем.

Маркеры дискурса представляют собой, по Д. Шифрин, элементы текста, эксплицирующие перечисленные компоненты структуры дискурса, обеспечивая тем самым его прагматическую когерентность. При этом они не могут быть адекватно определены ни на каком другом уровне, кроме уровня дискурсивного анализа, поскольку проявляют свою определенность только в последовательностях отрезков дискурса, а точнее на границах данных отрезков дискурса (*units of talk*) [11, 31—49]. Другими словами, маркеры дискурса не зависимы от синтаксической и семантической организации пропозиций в дискурсе, а эксплицируют некие над-пропозиционные отношения, становящиеся релевантными при более широкой перспективе, налагаемой на отрезок текста.

РВП в примере (3) схоже по особенностям дискурсивного функционирования с примером (2), в связи с чем не будем специально останавливаться на рассмотрении значения, реализуемого данным РВП на уровне автономного предложения.

(3) / бывший супруг убеждает нового супруга женщины, что та не будет долго держать на него зла /

— You're in a bit of a corner with Rosie but she ain't the type to hold a grudge forever. She welcomed me back, didn't she?

— Yeah, yeah, you are right.

Eastenders.

Расчлененное вопросительное предложение в (3) (*She welcomed me back, didn't she?*), рассмотренное во всей целостности своих семантических и синтаксических свойств, функционирует в рамках и одновременно эксплицирует такой компонент структуры дискурса как **когнитивный статус участников общения (information state)**. Как и в примере (2), суждение, выраженное в пропозиции главной части РВП, в примере (3) представляет собой известную адресату информацию, то есть присутствует в его когнитивном фонде. Но если в (2) эта информация являлась частью общечеловеческого опыта, то в (3) она известна адресату в силу особого социального контекста, в который он помещен. (Коммуниканты контактируют друг с другом и осведомлены о переменах, происходящих в жизни друг друга). Возникает вопрос, зачем коммуникантам привносить в дискурс информацию, хорошо известную обоим, а самое главное эксплицировать её в максимально полном виде? Подобное коммуникативное поведение нарушает постулаты речевого общения П. Грайса [9], а именно максимума количества, заключающуюся в требовании не передавать лишнюю (в данном случае — уже известную адресату) информацию. П. Стросон полагает, что одним из принципов, регулирующих коммуникативное поведение говорящего является принцип презумпции осведомленности или знания, в соответствии с которым говорящий при трансляции сообщения всегда ориентируется на наличие у слушающего некоего знания, которое не получает эксплицитной вербализации в дискурсе, и актуализует только те смыслы, которые считает неизвестными слушающему [12, 109].

Причины вербализации данной информации становятся ясными только при рассмотрении указанных РВП (в целостности своих семантико-пропозиционных особенностей, — что важно, так как другие виды РВП могут иметь отличные дискурсивные проявления) как маркера меняющейся дистрибуции знаний между актуальными фондами коммуникантов на когнитивном уровне дискурса, выделяемом Д. Шифрин. Под актуальным когнитивным фондом в настоящей работе понимаются наборы пропозиций, непосредственно задействованные коммуникантами в момент осуществления речемыслительной деятельности. Облекая рассмот-

ренные нами выше пропозиции в форму РВП, в примерах (2) и (3) говорящий добивается того, что данные пропозиции «выдвигаются» в сознании адресата, меняют свой статус от «известных ему» до «актуальных», необходимых для адекватного восприятия информации, поставляемой говорящим в рамках данного отрезка дискурса. «Выдвигаемые» таким образом пропозиции функционируют в качестве *фигуры* на общем когнитивном *фоне*, то есть помещаются в коммуникативный фокус.

Таким образом, в примерах (2) и (3) с помощью РВП говорящий добивается когнитивной симметрии между своим актуальным информационным фондом и когнитивным фондом слушающего. РВП выполняют в данном случае функцию контроля над когнитивным состоянием слушающего, а имеющаяся в них присоединенная часть функционирует не как интеракционный маркер передачи коммуникативного хода, а как маркер сближения когнитивных фондов коммуникантов.

Достигнутый таким образом когнитивный ассонанс получает различные названия в работах исследователей. Так, Д. Шифрин описывает его в терминах метазнания [11, 272]. Р. Кемпсон называет разделяемые коммуникантами пропозиции «прагматическим универсумом дискурса», который состоит из следующего набора пропозиций: (1) Г полагает, что р; (2) Г полагает, что С знает, что р; (3) Г полагает, что С знает, что Г полагает, что р; (4) Г полагает, что С знает, что Г полагает, что С знает, что р. Р. Кемпсон подчеркивает нестабильную природу прагматического универсума дискурса, в связи с тем, что его объем постоянно меняется по мере развертывания дискурса [13, 167]. Х. Кларк и К. Маршал используют термин обоюдное знание (*mutual knowledge*) и определяют его в виде пропозиции: «А знает, что А и В обоюдно знают, что р» [14, 18].

Совершенно очевидно, что экспликация общего фонда знаний (разделяемого знания) в примерах (2) и (3) не является самоцелью говорящего, в противном случае это бы противоречило постулатам речевого общения (см. [9], [12]). Она направлена на реализацию невербализованной цели, исчислить которую предлагается адресату при опоре на имеющийся у него коммуникативный опыт, а также знание конвенций речевого общения.

Сближение актуальных когнитивных фондов коммуникантов (или, скорее, контроль за этим), достигаемое в дискурсе с помощью РВП, является отправной точкой при осуществлении более глобальной дискурсивной задачи убеждения, либо **аргументации** в широком смысле данного термина.

И. Ивин определяет аргументацию как «речевое действие, включающее систему утверждений, предназначенных для оправдания или опровержения какого-то мнения» [15, 8]. Логическая структура аргументации в самом общем виде состоит из **тезиса** — утверждения, принятие которого адресатом стремится достичь аргументатор, и **основания** — утверждения, которое, по мнению аргументатора, обладает двумя основными характеристиками: адресат, во-первых, считает их верными или готов легко согласиться с ними, во-вторых, вследствие этого адресат готов принять тезис [16, 16].

Исходным условием реализации аргументации как речевого действия является асимметричная дистрибуция знаний или мнений (либо конфликт таковых) между когнитивными фондами коммуникантов, проявляющаяся в наличии у адресата предварительного (предубежденного) мнения по поводу ситуации реальной действительности [17, 162].

В примерах (2) и (3) говорящий, транслируя в форме РВП разделяемое обоими коммуникантами знание, достигает симметрии между своим актуальным когнитивным фондом и актуальным фондом адресата. Таким образом, говорящий сообщает веское основание (аргумент), которое слушающий считает верным, и которое заставляет его принять тезис говорящего. В примере (2) в качестве аргумента выступает тот факт, что медицинский осмотр не принесет вреда, а в качестве тезиса — необходимость сходить к врачу. В примере (3) в качестве аргумента говорящий ссылается на известный обоим коммуникантам опыт (женщина дружелюбно отнеслась к говорящему после разрыва), а в качестве тезиса — утверждение о том, что зла она долго держать не будет.

Как видим, корректное исчисление коммуникативной направленности РВП в указанных контекстах возможно только при наложении особой перспективы на анализируемую конструкцию. Пропозициональная семантика высказываний, оформленных с помощью РВП в контекстах (2) и (3), рассмотренная на уровне автономного предложения без привлечения релевантных когнитивных и прагматических параметров внешнего контекста, обречена на неуспех. РВП в данном случае выполняют роль маркеров качественных преобразований, происходящих в актуальных когнитивных фондах коммуникантов на информационном уровне структуры дискурса (см. [11]). Свою функциональную определенность РВП, как и любой другой маркер дискурса, получает, будучи включенным в более широкий дискурсивный контекст.

Так, в контекстах (2) и (3) высказывания, оформленные с помощью РВП, сообщают аргумент (основание) в рамках более широкого дискурсивного события убеждения, то есть они реализуют собой лишь один этап более глобальной задачи, решаемой говорящим. В связи с этим отправной точкой исчисления коммуникативной нагруженности РВП в дискурсе может быть анализ семантической и прагматической когерентности речевых актов в рамках более крупных отрезков дискурса с учетом когнитивного фонда коммуникантов. Вся совокупность этих речевых актов составляет дискурсивное (речевое) событие, представляющее собой последовательность поэтапно осуществляемых речевых действий, объединенных общей дискурсивной целью [10]. (Ср. точку зрения Ф. Емерена и Р. Гроотендоста на аргументацию как на сложный речевой акт, представляющий собой набор нескольких речевых актов, в которых выражается точка зрения, поддерживаемая аргументацией [18, 32]).

Контексты (2) и (3) представляют собой лишь одну разновидность аргументации в широком смысле слова, а именно **убеждение**. Высказывания, оформленные с помощью РВП, функционируя в роли веских аргументов, в данных контекстах характеризуются дополнительной прагматической презумпцией говорящего относительно наличия у адресата противоположной точки зрения или контраргумента¹. В самом деле, в примере (2) говорящему известно о нежелании женщины идти к врачу, а в примере (3) говорящий осведомлен об опасениях слушающего относительно настроения супруги. В данном случае сближение актуальных когнитивных фондов коммуникантов идет одновременно по линии вытеснения у адресата набора пропозиций, опровергающих тезис.

Следующая прагматическая разновидность дискурсивного события аргументации, где в роли аргументов так же выступают высказывания, оформленные в виде РВП, представлена следующими контекстами:

(4)

— You was lucky to have a mum like Nora. A proper mum. Didn't put you in a children's home, did she?

— Oh, now we are feeling sorry for ourselves, are we?

Eastenders.

¹ Прагматическую пресуппозицию (презумпцию) мы понимаем, вслед за Е. В. Падучевой, как знание говорящего о состоянии когнитивного фонда адресата [19, 57].

(5)

/ Два незнакомца встречаются, выясняют, что у обоих не ладятся отношения с дочерьми. /

— There's always been something in the way : work, kids...

— Young , are they?

— All grown up now. Well they think they are. Can run their own lives. Only thing my daughter runs is my nerves into the ground.

— Why are daughters always the worst?

— Cos we care so much. Make your little girl's dreams come true. All any of us dads ever want, isn't it?

(no response follows)

Eastenders.

Пропозициональное содержание РВП в контекстах (4) и (5) так же представляет собой разделяемое обоими коммуникантами знание: в (4) — по причине принадлежности к одной семье и осведомленности об истории семьи; в (5) — в связи с членством в одной социальной группе «отцов» и разделяемыми в данной группе ценностными ориентирами и установками. Объективация разделяемых наборов пропозиций в данных контекстах так же является маркером осуществляемого говорящим контроля над достижением симметрии между объемами актуальных когнитивных фондов участников речевого взаимодействия за счет вызывания («выдвижения») в сознании адресата стратегически важных пропозиций. Актуализованные таким образом пропозиции представляют собой платформу для поддержания выдвигаемого говорящим тезиса. Заметим, что в данных контекстах высказывания, оформленные с помощью РВП, не содержат дополнительной прагматической презумпции о наличии у адресата контраргументов, и не направлены на вытеснение таковых из актуального фонда адресата, а представляют собой всего лишь аргументацию утверждаемого говорящим тезиса. В (4) в качестве тезиса выступает утверждение о полноценно выполнявшей свои обязанности матери адресата, а в роли аргумента — разделяемое знание о том, что она сдала адресата (в отличие от матери говорящего) в детский дом. В (5) в роли тезиса выступает утверждение о том, что отцы исполняют желания своих маленьких дочерей, в роли аргумента — разделяемое знание, что такое отношение свойственно всем отцам.

Подобная общность прагматического функционирования указанных типов РВП позволяет говорить об отличном от контекстов (2) и (3) подклассе

дискурсивного события аргументации, который мы называем **аргументация точки зрения говорящего**. В отличие от подкласса **убеждения**, в речевом событии **аргументации точки зрения говорящего** в интенцию говорящего не входит изменение позиции адресата. Поддерживающий речевой акт экспликации разделяемого аргумента, оформленный с помощью РВП, в данном случае направлен скорее на активацию имеющегося у адресата знания, нежели на вытеснение из его актуального когнитивного фонда возможного контраргумента.

Заметим, что дискурсивное событие **аргументации точки зрения говорящего** имеет регулярно проявляющиеся черты в лингвистическом оформлении соответствующей дискурсивной стратегии. Во-первых, в нем, как правило, имеет место эксплицитное представление тезиса ((4) *A proper mum*; (5) *We care so much. You make your little girl's dreams come true*), в то время как в дискурсивном событии **убеждения** тезис в силу присутствия в нем угрозы «социальному лицу» адресата либо не получает эксплицитного выражения, хотя и осознается адресатом ((2) *You need to see a doctor*), либо представлен в варианте со сниженной категоричностью ((3) *She ain't the type to hold a grudge forever* вместо *She won't bear a grudge against you forever*). Во-вторых, аргумент в речевом событии **аргументации точки зрения говорящего**, как правило, состоит в непосредственной анафорической связи с тезисом, напр., (4) и (5).

Разграничение двух подклассов дискурсивного события аргументации (**убеждение** и **аргументация точки зрения говорящего**) представляется нам полезным не только в плане сопоставления отличий в логической структуре аргументации, а также в компонентах прагматического контекста, но и в плане особенностей реализации категории вежливости посредством использования РВП.

В современных исследованиях дискурса феномен вежливости рассматривается в связи с так называемым «социальным лицом» коммуникантов, под которым понимается стремление участников общения сохранить свое достоинство, репутацию, значимость. Учет интересов «социального лица» адресата (ликосохранение) может производиться посредством так называемой «позитивной» вежливости, заключающейся во включении его в членство группы, усилении ощущения принятия его взглядов, ориентиров и ценностных установок, разделении его позиции, либо «негативной» вежливости за счет минимального вторжения в его пространство, в том числе и когнитивное, отстра-

нения от навязывания взглядов, а также предоставления ему большей свободы в выборе действий (подробнее см. [20]).

Уже при самом беглом взгляде на функционирование РВП в рамках дискурсивного события **убеждения**, становится очевидным, что выбор именно формы расчлененного вопросительного предложения для экспликации веского аргумента определяется высокой степенью угрозы «социальному лицу» адресата, поскольку убеждение сопровождается изменением мнения адресата, то есть вторжением в его личные и социальные интересы, потерей самостоятельности в своих мыслях и действиях. Оформление аргумента в виде РВП с присущей данной конструкции на уровне пропозициональной семантики некатегоричностью выражения мнения, а также отсутствие таких лингвистических сигналов аргументации, как *because*, *then*, *since*, *for*, **оставляет адресату определенную свободу** в установлении определенных инференциальных связей между тезисом и аргументом, что, в свою очередь, позволяет говорящему смягчить «когнитивное» давление на адресата и тем самым дает ему возможность дистанцироваться от потенциально ликоугрожающего действия убеждения (см. (2) и (3)).

Особо ярко это проявляется в следующем примере, в котором доктор пытается убедить новую сотрудницу в том, что внимание к пациентам — неотъемлемая часть их работы, приводя для этого два аргумента в максимально ненавязчивой форме — расчлененного вопросительного предложения:

(6)

— Look, I don't mean to criticize you, but mm... some of your patients are feeling a little bit... cheated.

— Are they?

— Yeah.

— It's just a few said they were in and out so quick they hardly sat down.

— Time wasters. There's nothing wrong with them.

— How do you know?

— Because I'm a doctor.

— Well, there's no harm really in a little chat, is there? And you could've looked at Mrs Culpepper's photos.

— Is that the woman who was wittering on and on about pyramids?

— A bit of TLC goes a long way, doesn't it?

Doctors.

В данном дискурсивном событии **аргументации мнения говорящего** у говорящего отсутству-

ет цель сделать тезис составной частью убеждений адресата. Аргументируя свое мнение, говорящий старается найти потенциально возможные точки соприкосновения своего мировоззрения с мировоззрением слушающего. Сближение актуальных когнитивных фондов коммуникантов способствует сокращению социально-психологической дистанции между ними, а также укреплению чувства товарищества, что способствует реализации стратегии «позитивной» вежливости. См., например, контекст (4) в котором чувство «товарищей по несчастью» укрепляется при экспликации разделяемого знания в рамках РВП.

В настоящей работе нами была предпринята попытка показать нерешенность вопроса о коммуникативном содержании высказываний, оформленных с помощью расчлененного вопросительного предложения. Конвенциональные значения РВП, рекуррентно проявляющиеся в дискурсе, не сводятся к его пропозициональному значению, выделяемому исключительно из внутрисистемных свойств данной лингвоспецифичной конструкции. На примере одного типа РВП, характеризующегося реализацией в рамках пропозиционального содержания знания, разделяемого обоими коммуникантами, было показано, что данный тип РВП получает свою функциональную определенность на уровне более крупных отрезков дискурса и маркирует качественные изменения, вызываемые говорящим в таком компоненте структуры дискурса, как общий когнитивный фонд участников речевого взаимодействия. Подобный подход остро ставит вопрос о необходимости использования более широкой перспективы при анализе коммуникативного содержания РВП, позволяющей выявлять над-пропозициональные смыслы и отношения, выражаемые этими формами в реальной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Arbini R.* Tag-questions and tag-imperatives in English / R. Arbini // *Journal of Linguistics* 1969. Vol. 5 — P. 205—214.
2. *Catell R.* Negative transportation and tag questions / R. Catell // *Language. Journal of the Linguistic Society of America*, Los Angeles, CA 1973. Vol. 49. — P. 612—39.
3. *Huddleston R.* Two approaches to the analysis of tags / R. Huddleston // *Journal of Linguistics*. 1970. Vol. 6. — P. 215—222.
4. *Hudson R.A.* The meaning of questions / R. A. Hudson // *Language. Journal of the Linguistic Society of America*. 1975. Vol. 51. № 1. — P. 1—31.
5. *Levinson S.C.* *Pragmatics* / S. C. Levinson. — Cambridge, 1983.
6. *Stenström A.-B.* Questions and responses / A.-B. Stenström. — Lund, 1984.
7. *Quirk R.A.* *Comprehensive grammar of the English language* / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. — Longman, 1992.
8. *Nasslin S.* The English tag question: a study of sentences containing tags of the type isn't it?, is it? / S. Nasslin. — Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1984.
9. *Grice P.* *Logic and Convention* / Paul Grice // *Syntax and Semantics*. Vol. 3. — New York, 1975. — P. 41—58.
10. *Цурикова Л.В.* Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации / Л. В. Цурикова. — Воронеж, 2002. — 256 с.
11. *Schiffirin D.* *Discourse markers* / D. Schiffirin. — CUP, 1988. — P. 364.
12. *Стросон П.Ф.* Идентифицирующая референция и истинностное значение / П. Ф. Стросон // *Новое в зарубежной лингвистике*, № 13. — М., 1982. — С. 109—135.
13. *Kempson R.M.* *Presupposition and the elements of semantics (Cambridge studies in linguistics. Vol. 15)* / R. M. Kempson. — Cambridge, 1975. — P. 236.
14. *Clark H.* *Definite reference and mutual knowledge* / H. Clark, C. R. Marshal // *Elements of discourse understanding*. — CUP, 1981. — P. 10—63.
15. *Ивин И.И.* *Теория аргументации* / И. И. Ивин. — М.: Гардарики, 2000. — 416 с.
16. *Алексеев А.А.* *Аргументация. Познание. Общение* / А. А. Алексеев. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — 150 с.
17. *Kopperschmidt J.* *An analysis of argumentation* / J. Kopperschmidt // *Handbook of discourse analysis*. — London: Academic Press, 1985. — P. 159—168.
18. *Еемерен ван Ф.* *Аргументация, коммуникация и ошибки* / Ф. ван Еемерен, Р. Гроотендост. — С-Пб.: Василевский остров, 1992. — 208 с.
19. *Падучева Е.В.* *Высказывание и его соотносительность с действительностью* / Е. В. Падучева. — М., 1985. — 271 с.
20. *Brown P.* *Universals in language usage: Politeness phenomena* / P. Brown, S. Levinson // *Questions and politeness: Strategies in social interaction*. — CUP, 1978. — P. 106—229.